

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

Диалогия
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»
«МОЦАРТ»
«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»

Диалогия
«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»
«КАЗАК В РАЮ»
«КАЗАК В АДУ»

Трилогия
«ААРГХ»
«ААРГХ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»

С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Сериал
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»
«РЖАВЫЙ МЕЧ ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ»

Трилогия
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

Цикл
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

Цикл
«ГРАНИЧАРЫ»
«ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА»
«ДОЧЬ БЕЛОГО ВОЛКА»

«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»
Стихи
«ЛАНА»

В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«АРХИВЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»
«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»
«ОТЕЛЬ «У ПРИЗРАКА»

Андрей Белянин и его друзья
«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ЧЁРНЫЙ МЕЧ ЦАРЯ КОЩЕЯ

РОМАН

Москва, 2015
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 974

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.
Б43 Чёрный меч царя Кошея: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015. — 345 с.:
ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2109-1

На Руси всегда воруют.

Только-только я успел жениться, как родное Лукошкино накрыло новое страшное преступление. В один миг неизвестной силой похищены: наша царица Лидия Адольфина, Митина невеста Маняша и... моя жена! Угадайте, кому за всё это братья? Тем более если Кошей найден мёртвым, Баба-яга влюбилась в подозреваемого, а мой верный напарник Митька стал Серым волком, с той же силой и неуёмной фантазией.

Мне-то что делать прикажете?

Собирать волю в кулак — и всех спасать.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2015
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2015

ISBN 978-5-9922-2109-1

— Никита Ивановичи-ич!

— Уволен.

— Ну-у, Никита Иванович, отец родной...

— Митя, если бы я был твоим отцом, я бы уже сто двадцать восемь раз повесился, утопился или выпил яду. А если бы не помогло, попросил Еремеева расстрелять меня всем взводом у ворот!

— Никита Иванович, ну простите, за Христа ради-и-а...

— Митя, не приплетай сюда Господа! — окончательно взбесился я. — Из-за тебя всё наше отделение без Страшного суда прямым маршем в рай отправится! Если Бог любит милицию, то тебя дал нам во спасение и искупление! Как, как ты умудрился отца Кондрата за международный терроризм арестовать?!

— Дык как... — развёл руками на три метра в стороны наш младший сотрудник. — А чего, дело-то нехитрое... И главное, всё по уставу! С мордобоем, но не без вежливости, как вы и учили...

Следовательно, опять во всём виноват я, верно? У меня задёргалось левое веко, горло перехватило, и тот же заботливый Митяй осторожненько усадил меня на чурбан для колки дров.

Позвольте представиться, Ивашов Никита Иванович, старший лейтенант Лукошкинского отделения милиции. Лукошкино — это такой столичный город, на тридцать тысяч душ населения. Стоит в сказочной Руси, у речки Смородины, среди лесов да полей, во времена славного царя Гороха.

Нет, кстати, царь у нас действительно неплохой. С закидонами, тараканами, натура холерическая, увлекающаяся, где-то

самодурствующая, но вполне себе отходчивая. Его ещё, конечно, царица цивилизованным манерам учит. Лидия Адольфина у нас из Европы, бывшая принцесса Австрийского правящего дома, но за Россию на танки пойдёт, решительная женщина.

А я попал сюда прямо из Москвы, во время плановых учений. Влез в подвал в заброшенном деревенском домике, а вылез уже здесь, в тереме Бабы-яги.

Бабка у нас хорошая.

Это рекомендуется запомнить и повторять как мантру, а не то съест! Шучу...

Яга на редкость прогрессивная и понятливая старушка, глава нашего экспертного отдела. Мы без неё как без рук — здесь ведь в любом преступлении колдовства и чародейства порой как вшей, хоть горстями выгребай. Вот в этом смысле равных нашей бабуле нет, а ещё она мужское враньё насквозь видит, представляете? С женским у неё сложнее, ложная солидарность мешает.

За время моей службы нам удалось раскрыть ряд довольно громких дел, добиться уважения к милицейскому мундиру, определённого законопорядка в городе, и если бы не Митька...

— Так вот, Никита Иванович, иду я, стало быть, по базару, — вдохновенно врал этот нахал, прекрасно зная, что свидетелей у меня нет и придётся верить ему на слово. — Всё чин по чину, никого зазря не обижаю, честь сотрудника органов берегу, а тут навстречу, эдак бочком, бочком, отец Кондрат. Подозрительно же, правда?..

Да, а ещё я женат! Недавно. Если честно, целых три дня. Пока мы вдвоём живём в моей комнате, на втором этаже терема Бабы-яги. Нет, финансы вполне себе позволяют снять отдельное жильё, просто негде и не у кого. Гостиничный бизнес в Лукошкине не особо развит. Все приезжие, как правило, селятся по своим: в Немецкую слободу, армянское подворье, азиатский караван-сарай, купеческие дворы, ну а кто победнее, те в доходных комнатах при трактирах и кабаках.

Антисанитария там, конечно, аховая, всех удобств — на пять квадратных метров четыре лавки с рогожей, туалет на улице, за забором, завтрак за свой счёт — горбушка хлеба да жид-

кий чай. Государь, конечно, сразу же подарил нам с Олёной терем в честь женитьбы, только его ещё построить надо.

— Я ж тётке Матрёне и говорю: «Пошто в капусте квашеной рябина вместо брусники залежалась?» Она в крик! Но ить тоже не по совести, верно? Задал тебе вопрос сотрудник милиции, так ответь и не кучевряжься! А тут из-за спины отец Кондрат эдак баском, дескать, не по-христиански на рабу божью голос повышаю. Ну я ему и...

Да, ещё у нас в отделении служит стрелецкая сотня под командованием Фомы Еремеева. Хороший мужик, немногословный, но дисциплинированный, своих ребят в кулаке держит и в субординации разбирается. Даже не вспомню, сколько раз мы с ним и лаялись, и спасали друг друга.

Шли долгие разговоры о создании конной полусотни, но пока с лошадьми напряг. В нашей конюшне места хватает только рыжей кобыле Сивке Бурке (та ещё скотина!) и одной, не нашей, корове. Это Митина знакомая из деревни привела. Я с ней сталкивался. И с коровой, и с Маняшей, обе яркие личности, нарисовались — не сотрёшь...

— Я ему резонно эдак: «Невкусная капуста с рябиною!» А он мне: «Нет, вкусная!» — и целную горсть в рот кладёт, а?! Я пробую — нет, вкус-то не тот! А он пробует — тот! Ну, когда мы первый бочонок в споре на двоих приговорили, тётка Матрёна в обморок хлопнулась. Тут уж я и не стерпел...

В общем, на арест отца Кондрата сбежалась посмотреть половина базара. Батюшка у нас собой не хилый, весом хорошо за сто кило и в излишнем смирении отродясь не замечен. То есть, судя по солидному синяку в полщеки у нашего младшего сотрудника, священнослужитель оказал решительное сопротивление силам милиции. Сам был доставлен в отделение при помощи стрельцов, с пустым бочонком на голове, это уже Митя постарался.

А вот вытаскивать батюшку из поруба и с извинениями отпустить на свободу придётся, естественно, мне. Кстати, чем раньше, тем лучше. Разок было дело, к нам сюда целый крестный ход под арест попал — больше пятидесяти священнослужителей! Заодно и отделение освятили, почему нет...

— Митя, я тебя всё равно уволю.

— Да за что ж, а?!

— За всё, — многозначительно ответил я, прекрасно понимая, что он меня уже уболтал и шанс чрезмерно позверствовать упущен. — Марш территорию мести! И баню вытопи! И в конюшне прибери, лошади не чищены, сено лежалое, вода уже три часа как несвежая! Мить, ну это я, что ли, делать должен?!

— Слушаюсь, батюшка сыскной воевода!

Один миг, и его будто мышкой в корзину перетащило — был и нет.

Я присел на крылечке нашего отделения, устало кивнул Фоме, распекающему своих молодцов за участие в драке на базаре, и крепко задумался о жилищном вопросе. Тема, кстати, вполне себе актуальная, поскольку в данный момент на вверенном мне участке нас как-то быстро стало очень много.

Если помните, то терем и всё подворье Лукошкинского отделения милиции принадлежат Бабе-яге. Я у неё лишь квартирант, за моё проживание здесь платится из государственной казны.

Митя тут тоже прижился, но он, по крайней мере, выполняет всю домашнюю работу не хуже пушкинского Балды, а маленькое жалованье почти целиком отправляет мамёнке на деревню. Милейшая женщина, широкой русской души, разок виделись, ещё бы столько же не встречаться.

Я занимаю свободную комнату на втором этаже, Митяй ночует в сенях. А теперь ещё ко мне переехала бывшая бесовка Олёна, моя законная жена, а к моему напарнику завалилась в гости Маняша, дочь кузнеца, с коровой.

Нет, не дочь кузнеца с коровой, в их деревне о таких греческих штучках и слыхом не слыхивали. Просто с коровой. Дрессированная она у неё, в большом городе не была ни разу, Маняша её теперь по столице на познавательные экскурсии водит, достопримечательности показывает.

Вот сегодня упросила мою Олёну отвести их царский терем посмотреть. К чему я всё это? А к тому, что меня никто не понимает...

— Никита Иванович, там дьяк у ворот, — подошёл ко мне Еремеев. — Нам выгнать или ты своей ногой начальственной ему пинка дашь?

— Не искушай, — простонал я. За последний год идея пнуть возмутителя спокойствия в рясе и скуфейке была у меня почти навязчивой, превращаясь в болезненную потребность...

— Отца Кондрата требует, а тот в порубе сидит.

— Ну и суньте дьяка туда же, будем считать это посещением заключённого.

Сотник с пониманием отвалил, а я уныло поплёлся в терем. Уныло, потому что ничего хорошего меня там не ждёт. Метнувшись из горницы в сени, толстый кот Васька едва не сбил моё благородие с ног и, на секунду обернувшись, послал мне пылающий взгляд и выразительно провёл когтем по шее. Типа это я так довёл его хозяйку, и месть не заставит себя долго ждать.

Баба-яга сидела в светлице одна, за пустым столом, прихлёбывая настойку «от нервов» прямо из полулитровой бутылки. И это второй день...

— Русский метод лечения психики включает в себя не только алкоголь, но ещё и разговор по душам. То есть некий вариант исповеди на пьяную голову. Поговорим?

— Чего с тобой говорить-то? Изменщик ты и есть, — прокурорским тоном тихо пробормотала Яга.

— Да вы же сами хотели, чтоб я женился!

— Ну и брось меня, старую, одну-одинёшеньку. Собирай вон вещички да вали отсель с молодой женой в новый терем! Я-то вам на кой шиш сдалась?

Если женская логика просто ставила меня в тупик, то старушечья подразумевала ещё и кучу столь же безысходных ответов. В круглых глазах вернувшегося Васьки плескалась такая обида за любимую хозяйку, что было ясно — обгаженными тапками я не отделаюсь, он мне когти в нос запустит, как только усну. Коты... они на всё способны...

Из-под печки, там, где у нас живёт азербайджанский домашней Назим, вообще доносился ритмичный скрежет кавказского кинжала о точильный брусок. Зарежет, сегодня же нарежет и с чувством исполненного долга скроется где-нибудь в горах под Карабахом. Хренушки его потом с этой спорной территории Интерполом выкуришь...

— Бабуль, — я осторожно обошёл печку, вновь пытаюсь приобнять за плечи надутую старушку, — да что вы такое себе

навыдумывали? Отделение никуда не переезжает, я по-прежнему здесь целый день, а к Олёне только ночевать возвращаться буду.

— Врёшь, поди...

— Век воли не видать! — не хуже заправского уголовника поклялся я, цыкнув зубом и проведя ладонью по шее.

— Охти ж мне, доверчивой, — ворчливо сдалась бабка и по одному мановению её мизинца на столе мгновенно появились пироги, ватрушки, варенье трёх видов, забухтел самовар и даже открылась берестяная коробочка с подаренным немцами кофе.

— Сначала работа, — сглотнув слюну, решил я.

— Жену свою будешь учить, чё сперва, а чё потом, — пристукнула костяной ногой Баба-яга. — А в моём доме меня слушай! Покуда не поешь, никаких тебе дел служебных вершить не позволю. Глянь-кось, за три дня-то исхудал как, соколик...

Я махнул рукой, мою домохозяйку не переспоришь, но бабка пошла дальше:

— Ладно, участковый, я ить тоже совесть имею и не без сочувствия. Ты вона ешь давай, радуй старую женщину, а я те за то все заявления вслух читаю.

— Компромисс, — согласился я, хватая ближайший пирожок с визигию.

Вкуснота нереальная! Если бы американцы Макдональдсы были знакомы с русской кухней, они бы навек прокляли свои гамбургеры, за которые горят в аду, и сделали ставку на бабулины пироги.

— «Челом бью, сыскной воевода, а тока нет у меня управы на соседку мою Ксению Собакину, что бельё моё с верёвки тырит бесстыже, а сама глазки мужику моему строит, хучь внешне — кобыла кобылой! — с выражением читала Яга, сдвинув очки на кончик кривого носа. — А вам скажу, что муж мой Макар как напьётся в хлам, так песни под балалайку орёт и самого царя хулит за внешнюю политику! Народ ему про те дела два раза морду бил, ужо и голосок-то стал гнусавый, дак не будет ли ему за то от того же царя какой ни есть компенсации? А то у нас денюжки кончились...»

Я перешел на расстегаи с осетриной и на зачитываемые куски реагировал разве что поднятием брови или невнятным

хмыканьем. Подобных заявлений от «законопослушных граждан» мы получаем до полусотни в день. Реального вмешательства милиции, как правило, они и не требуют, людям просто как-то надо высказаться.

— «Ты уж прости, сыскной воевода, а тока ежели война будет, так та Немецкая слобода за нас пойдёт али за берлинцев? Мы тут, стало быть, их поим-кормим, а они нам, может, нож в спину? Дык я к чему веду-то, пострелять бы их от греха подальше, а уж на той землице я бы ещё пять лавок открыл. Надо ж своих купцов поддерживать, верно? А ежели что, дык мы с холопами и сами управимся, ты тока с милицией своей не лезь, куды не просят...»

— А вот это заявление отложите, — прокашлявшись, попросил я. — Пусть к этому умнику Еремеев с ребятами заглянет, проведёт разъяснительную беседу.

— С рукоприкладством али как? — уточнила Баба-яга.

— По ситуации.

— Стало быть, с рукоприкладством, — пометила бабка. — Оно и правильно, Никитушка, профилактика преступлений наше наипервейшее дело. Ох! Ты глянь в окошко, никак гонцы царские пожаловали?

Ага, действительно. Митя как раз пропускал их в ворота, и если вы помните, как у нас всё начиналось, то сейчас ситуация была прямо противоположная.

— Здрав буди, младший сотрудник милиции Лобов Дмитрий Васильевич, — в пояс поклонились двое молодых бояр нашему бугаю с метлой наперевес. — А не угодно ли будет тебе сыскаго воеводу побеспокоить, ибо дело у нас важное, царское? Но ежели настроения нет, так мы не в претензиях, перетопчется государь, не впервой...

— Заявлений много, работы выше головы, штат маленький, зарплаты кот наплакал, — в тон отвечал Митяй, но, разумеется, не перегибая палку. — Ждите здесь, тунеядцы, лихоимцы, кровопийцы народные! Небось упрошу Никиту Ивановича принять вас, сирых, без очереди.

— На том и в ножки поклонимся, храни господь нашу милицию! — радостно перекрестились гонцы.

Вообще-то со старыми, упертыми думцами такие финты не прокатывали, но молодёжь Митя выдрессировал. У парня оказались неплохие педагогические задатки, был бы украинцем, я б его в прапорщики произвёл! Умеет найти общий язык с гражданским населением.

— Никита Иванович, там энти...

— В курсе, видел. Зови. Что у них там?

— Говорят, по царскому делу государственной важности. Брешут, поди? Может, их взашей, а?

— Дык зови уже, балабол, — вмешалась Яга. — Совсем застращал мальчонок!

— Никита Иванович, у нас кто глава отделения: вы или Бабуленька-ягуленька?

Ответить я не успел, да и не собирался, честно говоря. Со стола сам собой соскочил круглый пирог с капустой и торпедой полетел Митьке в физиономию!

— Благодарствуем. — Наш младший сотрудник успешно поймал кулинарное изделие и мигом скрылся с добычей за дверями.

— Поди, у Васеньки моего наловчился, — притворно вздохнула бабка, а чёрный кот под лавкой сделал вид, что спит и ничему подобному Митю не учил. Хотя кто бы ему поверил...

— Здравия желаем, батюшка сыскной воевода, — гаркнули двое молодых безбородых бояр, дружно шагнув в горницу. — Дозвольте приказ царский передать?

— Присаживайтесь, граждане, — вежливо предложил я.

Боярские сынки садиться отказались, молча положив передо мной на стол царскую грамоту. Судя по почерку и стилю письма, Горох писал сам, не диктуя писцам или тому же непопляемому дьяку Филимону Груздеву.

«Никита Иванович, друг сердечный, бросай всё и дуй ко мне! Тема есть. Не придёшь через час, я те башку велю срубить. Ничего личного. Просто настроение такое...»

— Передайте государю, что я скоро буду. — Когда начальство вызывает на ковёр, лучше пойти.

Не то чтобы Горох у нас был так уж педантичен или кровожаден, нет, он скорее вспыльчивый, но отходчивый. Но, с другой стороны, совсем без дел не тормозит, а тут, видите ли,

«тема есть». Это он у меня подхватил. Мы тут вообще друг дружку учим, и они современные словечки запоминают, и я скоро старые церковные архивы без переводчика читать смогу.

— Бабуль, у нас там в порубе отец Кондрат сидит. Ну, за драку на базаре.

— Выпустить, что ль?

— Выпустите. Внушение сделайте, и пусть себе идёт. Чем там ему заниматься положено — крещением, венчанием, отпеванием, церковными службами? Вот и пусть неустанным трудом искупает грех перед правоохранительными органами.

— Ладно уж, выпущу, — чуть капризно поджала губки Яга. — А ты тока к царю и назад?

— Да.

— К Олёнке своей не забежишь, что ль?

— Не забегу. До вечера времени нет. — Ложь наша «бабка-экспертиза» видит на раз, а вот полуправду может и пропустить. — О, чуть не забыл! Еремеев к отцу Кондрату дьяка отправил. Так вот, его не выпускать. Опять лается, как собака...

— Охти ж мне, ничему его жизнь не учит, — завздохала моя домохозяйка, и мне удалось быстренько сбежать.

Телегу готовить долго, верхом на Сивке-Бурке тоже чревата, она у нас скотина с настроением, так что лучше пешком. Погодка хорошая, пройдусь с удовольствием.

— Митеньку с собой возьми! — прокричала мне вслед Баба-яга, высовываясь из окошка.

— Кстати, да, — подумав, кивнул я.

Если он увидит, как отец Кондрат выходит на свободу с чистой совестью, не миновать нам ещё одного мордобоя уже на территории отделения.

Я попросил Еремеева приглядеть тут за всем, свистнул Митьке, чтоб шёл за мной, и направился за ворота. Прогулки по шумному Лукошкину всегда полны экстрима, вот сколько раз ни иду через Базарную площадь, а скучать ещё никогда не приходилось. Народ у нас такой, всех не перевешаешь...

— Ба-а, гляньте, люди добрые! Идёт и в ус не дует, морда бесстыжая, — начала первой какая-то тощая тётка с корзинкой куриных яиц под мышкой. — И как тока бесстыдства хва-

тает на улицу днём выходить да святого человека за бороду носом в квашеную капусту тыкать?!

Уф... это не про меня, это про Митю. Его косяк, пусть сам и огребает. Я чуть ускорил шаг, чтобы не подумали, что он со мной.

— И не говори, Евлампевна, — поддержал кто-то из скобяных рядов. — Недавно мужика моего заарестовать хотел, дескать, вожжи у него плохие, рвутся на раз. Да и порвал товару на пять рублёв с копейками! Чтоб его опосля этого громом убило, куды тока Господь смотрит...

Я с невольным уважением обернулся к нашему младшему сотруднику. Вожжи не каждая лошадь порвёт, а Яга всё ещё считает, что мы «парнишечку недокармливаем»...

— А у меня телегу перевернул, дескать, она в угоне числится. Я ить долго терпеть не стану, в иной раз кликну кумовьёв, мы ему ту же телегу на башку наденем!

— Вчерась свежего пива бочку выставил, так от этот охальник милицейский остановился, попросил нюхнуть для проверки крепости. Пить не пил, врать не буду, но нюхнул столь знатно, что пиво теперь не шибает ни хрена! Весь дух спиртной в себя унюхал и ушёл, хоро-о-оший, вприплясочку-у...

— Ой и чё ж все так прям и напали на бедолагу-то?! С зятя моего, пьяницы, обещал самолично подписку о невыезде взять. Тот тока первое слово и понял, до сих пор в сарае сидит, правой рукой крестится, левой причинно место прикрывает!

Последнее, кстати, можно было даже записать в плюс нашему бармаглоту. Методы у него не всегда конституционные, энтузиазма порой через край, но если результат положительный...

— Митя, на тебя люди жалуются, — напомнил я, когда мы прошли базар и выбрались на относительно спокойную улицу перед царским теремом. — Мить, чего молчишь?

— А? Вы спросили чё? — Он наткнулся на мой взгляд и прекратил разыгрывать птицу глухаря. — Да кому вы верите, Никита Иванович? Мало ли чего, бабы глупые...

— Женщины.

— Женщины или бабы, не одно и то же?

— Нет.

— Ну нет так нет, — не стал спорить Митяй. — А тока языками и те и другие треплют одинаково. И вообще, вы ж сами учили: нет заявления, нет проблемы.

Хм, и на этого человека мне в неопределённом будущем придётся оставить отделение. Надеюсь, это произойдёт не скоро, и мы хоть чему-то успеем его научить.

Царские стрельцы, дежурившие у ворот, встретили меня застенчивыми улыбками.

— Здравия желаем, батюшка сысской воевода!

— И вам не хворать, секьюрити, — козырнул я. — Прибыл по царскому приказу. Кто проводит или мне самому в терем подняться?

— Да чего уж там, идите, Никита Иванович, — так явно заулыбались стрельцы, что у меня невольно зашевелились нехорошие подозрения. Ну там спина белая или ширинка расстегнулась, не знаю уже...

— Мить, подожди во дворе.

— Слушаюсь.

— Ни к кому не приставай. Прав не качай. Жизни не учи. А самое главное, без меня никого из боярской думы не арестовывай!

— Скучный вы человек, Никита Иванович, — тяжело вздохнул он, но послушно сел у крылечка. — Песни печальственные орать тоже небось не позволите?

— Молодец, проявил логическое мышление. Не позволю. Но, если увидишь свою Маняшу с коровой, можешь поболтать о погоде, видах на урожай зерновых и, главное, уточни деликатно, когда она от нас съедет?

— Сам жду не дождуся, — побожился мой напарник, широко осеняя себя крестным знамением. От груди метр вправо, метр влево, полезной площади хватает...

Я бодренько взбежал на третий этаж. Всё так же таинственно улыбающиеся царские стрельцы в белых кафтанах и высоких шапках с соболиной оторочкой указали на маленькую комнатку Гороха. Его, так сказать, личные апартаменты. Раньше он там с новыми пассиями жизненным опытом обменивался, но теперь, женившись, остепенился, и надеюсь, надолго...

— Вызывали? — Я, деликатно постучав, толкнул дверь и шагнул в кабинет государя.

— Обижаетесь, Никита Иванович, — тихо откликнулся он, задумчиво глядя в окно. — Не вызывал, а приглашал. Думаю, может, не побрезгует сам сыскной воевода, навестит друга старого, посидим задушевно, Высоцкого твоего споём, о поэзии покалякаем...

— Так вы, я вижу, без меня уже накалякались. — Я слегка кивнул в сторону початой бутылки французского коньяка. — Посольский или купеческий?

— Посольский. Вчерась принесли, торговых льгот для себя кланчат. А пуще всего, чтоб ныне всё, что алкоголем ароматизирует, на наш стол только Французский двор поставлял. Хитроморды картавые...

— Я на службе.

— А я те велю башку срубить, — безмятежно пообещал Горох, наливая две стопки.

— Тогда тем более не буду. Не люблю давление на органы.

— На какой орган я те давлю, участковый?! Прошу ить почеловечески, видишь, не в настроении государь, а ты мне перечешь...

— Да что у вас случилось-то? — Я наконец догадался шагнуть к окошку, пытаюсь понять, к чему он там прилип. А уже через минуту сам покраснел, как те же стрельцы у входа.

Сверху открывался отличный вид на задний двор, где стояла царская баня. Сквозь прорубленное оконце периодически были видны то плечи, то спины, а то и...

— Вообще-то подглядывать нехорошо.

— Так я за своей подглядываю, за женой законной, — резонно парировал Горох, протягивая мне стопку с ароматным напитком королей. — Она в баню с твоей Олёной да подружкой ейной, Манькой вроде, час назад пошла. До сих пор мылятся...

Я выпил, не задумываясь, а потом самым бесцеремонным образом оттащил государя от окошка. За своей он смотрит, как же... А при виде двух других отворачивается, что ли?!

— Ну раз ты эстетизму и лицемерию культурному чужд, — ни капли не обиделся Горох, — тогда давай по делу. Утром голец с границы прибыл, две заставы у них огнём пожгло...

— Шамаханы?

— Хуже. — Царь выдохнул, опрокинул стопку, занюхал рукавом и прошептал: — Сверху огнём полыхнули, а грозы-то и не было. Те, кто выжил, говорят, будто бы налетела ночью чёрная буря, дым столбом поднялся, шум да гром, аж уши закладывало, и полилися с небес прах, огонь да сера-а...

— Это вы сейчас Библию цитируете, что-то там про Содом и Гоморру? — припомнил я.

Горох отрицательно помотал головой.

— А что тогда? Змей Горыныч о двенадцати головах?

— О трёх.

Я не сразу поверил, что он говорит серьёзно. Ну, обычные реалии русских народных сказок — это нормально, к этому тут все привычны, насмотрелись, нанюхались. Но вот трёхголовый летающий птеродактиль на огненной тяге — это уже явный перебор...

— Не может быть. Их просто не бывает, это миф.

— Когда ты в первый раз в моё царство-государство попал, я тоже сначала думал — милиционеров не бывает, это миф, — передразнил меня Горох. — А вон теперича сколько вас по Лукошкину размножилось... Так что собирайся давай!

— Куда?

— Велю тебе ехать на восточную границу! Вот там сам всё поглядишь, расследуешь да и доложишь — есть такой Змей Горыныч али нет его.

Ответить я не успел. В ушах зазвенело, ставни едва не расшибло в щепки резким порывом ветра, царский двор резко заволокло едким дымом, а над крышей терема пролетела чья-то огромная тень! Прямо под окнами вспыхнуло пламя, зазвонил пожарный колокол, со всех сторон раздались истошные крики людей. Мать моя прокуратура, да что же это происходит? До армагеддона вроде ещё куча времени, да и календари майя не торопят...

Горох бросился вон из комнаты, куда-то побежал, на кого-то орал, раздавая приказы, а я так и стоял столбом у почерневшего подоконника. Сердце остановилось, пальцы судорожно сжимали ни в чём не повинную серебряную стопку...

— Ты чего встал, куда зенки вылупил?! — прямо в ухо про-
орал мне царь.

Я молча показал пальцем вперёд.

— Ну и? — не понял государь. — Там же нет ничего!

— А была баня...

Когда до нашего царя-батюшки дошло, он дважды протёр
глаза и только потом завопил, как белуга на нересте:

— Ли-душ-ка-а!!!

Мы бросились вниз по лестнице наперегонки, и я бы
пришёл первым, если б он не по-спортивному не оттолкнул
меня на финише. Детальное обследование места преступления
тоже ничем не обрадовало. Резную и расписную царскую баню
просто сорвало с места непостижимой силой и унесло в неиз-
вестном направлении, выломав часть тесового забора.

Пока мы с Горохом тупо ходили туда-сюда по вычищенно-
му периметру здания в чахлой надежде, что все три красотки
успели покинуть помещение, сзади появилась бесчувственная
скотина по имени Митя Лобов.

— Отмаялись, сердешные, — упав на колени, с чувством
простонал он. — Уж не знаю, что мне теперь с Маняшиной ко-
ровой бодливой делать. А ить вам, вдовцам горьким, ещё и то-
го почище, верно? Вы поплачьте, поплачьте по-мужски друг у
други на грудях, а я покуда за самогонкой сбегаю. Такое горе
у нас всех, как же не отметить-то...

Горох с хриплым рыком кинулся душить Митьку, я — их
разнимать, а на нас троих уже навалилась перепуганная толпа
думских бояр во главе с недремлющим старшиной Бодровым.
Сколько он мне крови попортил, литрами не сосчитать!

Боярская дума, если помните, с первого дня невзлюбила
милицию, потому что они там все привыкли жить по схеме:
сверху царь, за ним бояре, ниже всех народ. Господь Бог вооб-
ще не упоминался, разве что для плезиру, а того же самодерж-
ца частенько пытались сделать лишь марионеткой в опытных
руках старинных боярских фамилий.

— Попался, ирод милицейский! — напустился на меня до-
родный бородач Бодров, опасно размахивая посохом. — Не ус-
ледил, не уберёт государыню нашу! Позволил в своём присут-

ствии Змею поганому матушку царицу украсть! На кол преступника!

— На кол! — дружно поддержали пузаны в дорогих кафтанах и бобровых шапках.

— Э-э, граждане, я один, а колов у вас много, — пытаюсь разрядить обстановку, пошутил я (всё равно они не поймут).

Но они поняли. Не ожидал...

— Охальничаешь, сыскной воевода?!

— Ни в одном глазу, — соврал я, мгновенно меняя план. — Да чего вы сразу на меня бросаетесь? Вон государь Митю душил и никак не справится. Нет чтоб помочь...

Бояре мигом переключились на сторону и с не меньшим пылом всей толпой кинулись помогать Гороху душить моего младшего сотрудника. Естественно, образовалась жуткая куча-мала, из которой снизу по-пластунски первым выполз наш Митяй.

— Уф, Никита Иванович, до чего тяжёлый народ в боярской думе, и вес избыточный, и характер склочный. Как неродные все...

— Встань здесь, — быстро потребовал я. — Никого не пускай, мне надо осмотреть место преступления.

— Чё ж тут смотреть-то? — удивился он, но встал на пост, широко раскинув руки. — Я ить своими глазами видел, как налетела туча чёрная, баньку с вашими... государевыми... нашими жёнами... не, одна не жена, но... тьфу! Короче, были — и нет! Видать, Змей унёс.

— Уверен? А может, это колдовство какое-то, фокус, иллюзия? Или Кощей новую пакость придумал? Или Лихо Одноглазое на свободу выбралось? Или...

Я мог бы накидать ему ещё с десятков версий просто оттого, что мне надо было хоть что-то говорить. На самом деле в мозгу билась одна страшная мысль... Олёны нет!

Мою молодую жену только что, прямо на моих глазах, похитила неизвестная сила такого масштаба, с какой мы никогда раньше не встречались. Судя по жалким обломкам забора, толстые дубовые доски были переломлены в одно касание, как спички. Царскую баньку (почти сто квадратных метров!) сорвало с места и унесло в неизвестном направлении. Это дом! Не сарайчик, обшитый вагонкой, а добротный сруб из сосно-

вых брёвен. Её и бульдозером было бы непросто сковырнуть, а уж унести...

На земле никаких следов не оказалось, зато у забора со стороны улицы обнаружилось нечто похожее на рыбью чешуйку. Только грязно-зеленоватого цвета, с зазубринами по краям и общим размером с тетрадный лист. Вполне могла подойти какому-нибудь доисторическому птеродактилю или ящерице. Если можно представить себе ящерицу, откормленную до параметров военного самолёта МЧС. Верить в то, что такой Змей действительно существует и он только что напал на Лукошкино, сознание отказывалось категорически. Невзирая на самые упрямые факты!

Через пару минут ко мне сзади подошёл изрядно помятый, но подуспокоившийся Горох. Митя честно не подпускал к нам извиняющихся бояр...

— Дуй отсель, участковый, — напряжённо попросил государь. — Бабе-яге всё расскажи, в ножки кланяйся, о помощи умоляй. Плахой грозить не стану, помочь прошу, сам всё понимаешь.

Мне нечего было ему ответить. В таком состоянии человек просто не осознаёт логики собственных поступков. Горох не так давно всерьёз рассорился с супругой. Не берусь судить, кто там у них был прав, кто виноват, но жила всё это время бывшая австриячка Лидия Адольфина не в Немецкой слободе, а у нас в отделе. Дело, а не на словах Лидушка умудрилась всем нам стать хорошей приятельницей. И её потеря — это ещё и удар по нашему милицейскому братству, мы же своих не бросаем...

Мне оставалось лишь молча козырнуть и покинуть территорию царского подворья. Митя, не дожидаясь, пока о нём вспомнят, припустил следом. По пути нас подхватили встревоженные еремеевцы. Огромную чёрную тучу, похожую на трёхголового Змея Горыныча видели многие. Народ на улицах, не выбирая выражений, старательно мешал сказку с былью...

— Ай, шайтан-гюрза полетел! Молодых ханум воровать будет, как у нас в Бухаре. Всех луноликих гурий с ресницами длинными, как хвост ишака, с глазами томными, как у священной коровы, с походкой грациозной, как у беременной верблюдицы, с грудями ароматными, как...

— Хоть тут-то чё человеческое скажи, угод персидский! Своих девок с домашним скотом сравниваешь, так хоть к нашим не лезь! Энтэ ещё надобно узнать у кого из начальства, не вы ли энтэго Змея к нам на Русь запустили?

— Не, то прибалты! Они народ неспешный, но упёртый. Говорят, тридцать три года Змея уговаривали, пока он от их зандности не сдался...

— Православные, а чего ж змеюка перелётная царскую баню-то спёрла? Нешто ничего вкуснее не нашла? Да вон хоть соседа моего вниманием обидела, а у него и мясо в щах, на полквартила хруст в хрящах, и дочь — невеста, вся в прыщах, созрела...

— Найн! Ви есть гофорить глупость! Змий с крыльями не бывайт. Это мог быть неизфестный науке зверь! Фот в Швеции тоже летал один такой. Все думали, он к фрекен Бок на фаренье, а он к ней софсем с другими намерениями... Я, я! Дас ист фантастиш!

— Ты тут зазря языком не трепи, немчура проклятая. Мы вас били, бьём и ещё не раз бить будем. А к чему я энтэ? Да кто ж меня, неопохмеленного, разберёт опосля вчерашнего-то...

— Бабоньки, дык в милицию доложить надо бы, а? Может, они ничё и не знают. Ну люблю я в отделение Никите Ивановичу заявления писать! Есть такой грех, прости господи...

— Да вон и сам участковый идёт! Сурьёзный какой... Видать, съел чего и животом теперича мается. Добежит до отделения, сердешный, али тут отмучается, под кустиком?

Я старался никого не слушать и ни на что не отвлекаться. Быть может, впервые за всё время моей службы в Лукошкине я вдруг понял, что столкнулся с превосходящими силами противника. Причём настолько превосходящими, что если нас поставить в разные углы ринга — то не факт, что он вообще меня разглядит. По такой зверюге надо бы палить из крупнокалиберной гаубицы, а у меня всего личного оружия — планшетка на плече да царская сабля на стенке в комнате.

Я её, кстати, брал в руки пару раз. Неправильно взялся левой рукой за ножны, слишком близко к эфесу, ну и нехило порезал указательный палец. Совсем не отрубил, уже спасибо...

Отделение во главе с Еремеевым встречало меня по команде «в ружьё». То есть все стрельцы собрались, готовы к походу, глаза горят, фитили дымятся, а длинноствольные пищали так и жаждут хоть в кого-нибудь пальнуть.

— Где Яга? — кротко спросил я.

— В нервах, — тихо ответил сотник.

Ясно, значит, опять мне огребать полной ложкой. А ведь вроде, когда уходил, бабка была в нормальном настроении...

— Ей там, в порубе, дьяк Груздев нагрубиянничал, — правильно растолковал мои сомнения командир стрелецкой стражи. — Уж не знаем, чего наплёл, а тока летела твоя бабушка от поруба ровно ошпаренная...

— Убью.

— Дак мы поспособствуем!

— Это была фигура речи, короткий эмоциональный всплеск, — скорбно вздохнул я. — Выведите его из поруба, дайте по шеям и гоните, чтоб духу этого либерала здесь не было!

— Рады стараться! — гаркнули стрельцы.

— Митя, проконтролируй.

На самом деле я зря прописал Филимона Митрофановича в либеральный лагерь. Он у нас, конечно, вечный оппозиционер, но притом же ещё и убеждённый монархист. Его хлебом не корми, дай пострадать за царя и отечество. Просто милицию очень не любит. Хотя мы к нему — всей душой!

— Бабуль, — осторожно входя в сени, позвал я.

Тишина. Ни сопения, ни храпа, ни всхлипов. Я прошёл в горницу. Яга в самом простеньком сарафанчике, чёрном платочке на голове, стоя на коленях, истово молилась иконе Николы Можайского. В мою сторону она и головы не повернула, а умный кот Васька из-под лавки молча приложил лапку к губам. Я понятливо кивнул ему, тихо встав в уголочке.

Буквально через пять минут бабка закончила, с хрустом встала на ноги и тепло улыбнулась мне:

— Проходи, Никитушка. Как раз к обеду поспел, вот и откушаем чем бог послал.

Она цыкнула на высунувшего нос азербайджанского домашнего и сама быстро накрыла на стол. Церемонно перекрестила

горшок со щами, а потом сложила ладошки и вновь улыбнулась мне:

— Что ж, Никитушка, поблагодарим Боженьку за хлеб насущный да с молитвою светлой и оттрапезничаем. Ты уж не гневись, а тока нынче щи постные будут, через неделку оскормимся...

Я смотрел на Ягу круглыми от ужаса глазами. Кто нам подменил бабку?!

— Вообще-то у нас серьёзное дело. Произошло похищение целого здания, в котором находились...

— Царица Лидия, твоя Олёна да Митина гостя из Подберёзовки, — печально покачала головой Баба-яга, осеняя себя крестным знамением. — Слухом земля полнится. Что ж, на всё воля Божия. Мы за них тока молиться и можем...

— Что?!! — Я не поверил своим ушам.

— Видать, много нагрешил государь наш, да и ты, Никитушка, совесть свою спроси — чиста ли? Не прогневил ли чем Господа? Не оформлял ли на задержание невинных, не превышал ли полномочия, не забыл ли заповедь «не суди да не судим будешь»?

— Бабушка-а! Ау! Вернитесь на землю. Кто вам так по ушам проехался, что вы...

Я резко захлопнул рот. Стрельцы же говорили, что она из поруба как ошпаренная бежала. Дьяк! Всё, он доигрался. Так заболтать Бабу-ягу, чтоб она из лучшего сотрудника нашей опергруппы превратилась в упёрто-религиозную ботву, — это надо суметь! И ведь в то самое время, когда у нас такое страшное преступление...

— А я завтра поутру в монастырь пойду, послушницей проситься. Терем-то продам. Деньги на богоугодные дела пожертвую. Но ты не горюй, Никитушка, я те своего петушка решила подарить. Не поминай худым словом старуху...

Я пулей вылетел из дома, растолкал удивлённых стрельцов и кинулся к порубу.

— Где дьяк, мать вашу?!

— Дык, как и велено, подзатыльник отвесили да за ворота его.

— Догнать, привести, расстрелять!

— Дьяка братъ — дело шибко опасное, — влез наш младший сотрудник. — Дозвольте пострадать? Самолично за бороду приволочь Филимона Митрофановича...

Я от всей души обнял Митю, расцеловал в обе щеки, развернул к воротам и указал коленом направление.

— А отец Кондрат тут ещё?

— Туточки, — подтвердили стрельцы. — Мы ж его выпустить хотели, а он не идёт.

— Не понял...

— Да вроде как схиму принять решил. Отшельником у нас в порубе сидеть, на хлебе и воде. Говорит, грешен зело, а для моления лучшего места нет, чем узилище милицейское.

Я почувствовал, что робкая мысль о том, что в бабкином перевоспитании виноват вовсе не блудный дьяк, настырно просилась дать ей право голоса. Гражданину Груздеву ни ума, ни фантазии не хватило бы на то, чтоб так запудрить мозг главе нашего экспертного отдела. А вот отца Кондрата даже сам Кощей боится, и я подозреваю почему. Воцерковленный, смиренный и принявший монашеский постриг, гражданин Бесмертный наверняка бы просто заставил свихнуться будущих исследователей мифологии и фольклора. Ну всё, батюшка-а...

— Я в поруб! Если услышите крики задержанного, не вмешайтесь, производятся профилактически-воспитательные работы.

Стрельцы настороженно перекрестились. Видимо, спорить с опытным священником на теософские темы решались немногие. Фактически никто, ибо рука у отца Кондрата была тяжёлой, а страсти неуправляемые...

— Чего стоим, кого ждём? — вежливо поинтересовался я у четверых еремеевцев, стоявших в очереди у дверей поруба.

— На исповедь и благословение к новому отшельнику-схимнику, — охотно пояснили мне.

— Так, значит, у нас прямо тут, на территории вверенного мне отделения, свой святой нарисовался?

Стрельцы радостно закивали.

— Еремеева ко мне!

— Дык он же внизу, отпущение грехов получает...

И ты, Брут (то есть Фома!), туда же?! Сейчас я спущусь, и он от меня тоже полное отпущение получит! А грех сквернословия на службе, как помнится, не входит в разряд смертных.

— Слушай мою команду, орлы! — рявкнул я, привставая на цыпочки, поскольку самому невысокому едва доставал макушкой до подбородка. — Марш отсюда бегом, и, если ещё раз увижу, что вы в рабочее время помолиться решили, уволю всех к едрёной ёлкиной маме!

Рослых стрельцов как ветром сдуло. А из поруба высунулся их прямой начальник, без головного убора, прилизанный, смиренный и, я бы даже сказал, подавленный.

— Сотник Еремеев?

— Раб божий Фома...

— Прекратить бляеньё! Повторяю ещё раз: сотник Еремеев?

— Слушаю, батюшка сыскной воевода! — резко опомнился он, вставая во фронт и нахлобучивая стрелецкую шапку.

— У нас в городе чепэ. То есть чрезвычайное происшествие. Похищены моя жена, Митина подружка и наша общая царица Лидия Адольфина в придачу. Предположительно все трое были захвачены Змеем Горынычем во время мытья в бане, вместе с этой же баней целиком. Есть улика. — Я достал из планшетки найденную на государевом подворье чешуйку и показал Фоме.

Тот побледнел, видимо сопоставив габариты.

— Поэтому приказываю прекратить религиозное одурманивание личного состава. Заняться поиском и опросом свидетелей. Выяснить, откуда мог прилететь Змей и куда он направился? Предпринять все необходимые меры защиты мирных граждан от возможного повторного нападения! Вопросы?

— Нет вопросов. Дело ясное, исполним, как велено.

— Тогда чего стоим?!!

Еремеева сдуло с места так, как, казалось, умеет только Митя, если ему от бабки огрести светит. А может, даже и с большей прытью — Фома у нас служака, каких поискать...

Я спустился по ступенькам вниз. Поруб — это такой вырытый подвал в земле. Небольшая комнатка, три квадратных метра, бабка раньше там припасы на зиму хранила. В порубе и

летом температура ниже нуля, а уж зимой хоть тушами мясо храни, никакого холодильника не надо.

С того времени, как мы открыли отделение, этот морозильник сначала использовался как отрезвитель, потом как камера предварительного заключения. А сейчас тут со всевозможным комфортом расположился на двух тулупах тучный отец Кондрат в тёплой рясе, с хорошим провиантом, потрёпанной Псалтырью, медной иконкой в углу и стойким запахом алкоголя.

— Исключительно сугрева ради, — опережая мой законный вопрос, прогудел батюшка. — Без зелья адова голос посадить боюсь, а без голосу как грешников отмаливать...

— Собирайтесь и с вещами на выход.

— Дык я ж задержанный вроде? Покуда срок свой не избуду, вину перед Господом не искуплю, из скита сего не тронусь!

— Хватит демагогии! — зарычал я, потому что нервы ни у кого не железные. — Это наш поруб, а не ваш скит. Марш на выход!

— А ты на меня не ори, — приподнялся отец Кондрат, сразу заполняя собой почти всё помещение. — Мне сама хозяйка тут остаться дозволила, богоугодное дело свершив! Я твоих стрельцов на исповедь приглашаю, души их грешные спасаю, благодатью осеняю молитвенно, ибо место сие греховное есть. Гнать меня решил? Без ведома Святого Синода хрен ты меня отсель выковыришь, участковый! На-кася выкуси!

Я легко поймал его за руку с фигой и одним приёмом выкрутил запястье. Батюшка взвыл дурным голосом, бесцензурно помянул всех чертей и, падая, повалил меня на пол, едва не расплющив по причине элементарной разницы в весе. Поэтому, когда этот двустворчатый шкаф в рясе прижал меня всей тушей в угол, я просто боднул его лбом в нос. Что-то хрустнуло, и поруб зашатался от мата православного батюшки! Отец Кондрат от души замахнулся с ответным визитом, но ударить не успел...

— Зачём такой беззаконий тваришь, а? — Прямо из стенки вышел грозный азербайджанский домовый, легко останавливая пудовый кулак нашего «схимника». — Прилична събя ве-ди, да? Мой дом, мой двор, мэня тут обижать не нада! Зарэжу, э...

Один миг — и отец Кондрат замер соляным столбом, сведя глаза к переносице.

— Участковый, ты эта... Бабку минэ верни, да? Савсэм плохая стала, с иконай ходыт, манты нэ ест, на минэ пилюёт! Гаварит, я нечисть языческая, да?!

— Нехорошо, — тяжело дыша, согласился я.

— Нехарашо, — серьёзно подтвердил Назим. — Я честный домовой, я слова держу. Ты у мэня хоть раз жёсткий долма ел? Я тебе несвежий пахлава хоть раз подавал? Зачэм меня нечистью абзывать, э...

— Понимаю.

— Я даже Ваську ей простил, — чуть не плача, шмыгал длинным кривым носом азербайджанский домовый. — Васька гаварит, сам её бояться начал. На хвост ему наступила, да! Зачэм так сделала? Она гаварит, тёмный ты. Плахой кот! Нада бэлюю кошечку завести, э?!

Да, переключило бабку не слабо. Вот уж никогда бы не подумал, что она так уйдёт в религию, что даже на своего любимца руку поднимет. Ну или ногу, без разницы.

— Я попробую. А с отцом Кондратом как? Он, надеюсь, ненадолго здесь в прострации будет?

— Скока тибэ нада, стока будет, — широко улыбнулся Назим, обнажая лошадиные зубы. — По лбу одын раз щёлкни, снова нормальный станет!

Я протянул ему руку. Домовой (впервые!) пожал мне ладонь и исчез в стене так же неожиданно, как и появился. Что же тут произошло между моей милой хозяйкой на костяной ноге, котом и заигравшимся батюшкой?

Повторюсь, только теперь до меня в полной мере дошло, почему Кощей так опасался отца Кондрата. И дело вовсе не в каких-то там суперохранных молитвах, которыми настоятель храма Ивана-воина «запечатал» вход в город. Нет, гражданин Бессмертный реально боялся миссионерского дара нашего строптивного батюшки, способного в две минуты сделать из отчаянной главы экспертного отдела богомольную старушку!

Пересекись Кощей и отец Кондрат на узкой тропинке да сцепись языками, и ещё неизвестно, кто бы вышел победителем? Вполне возможно, что наш главный преступник и злодей

до конца жизни носу бы не высовывал из своего монастыря под Южно-Сахалинском, двести километров в тайгу, два раза в год почта, едим от цинги шишки и молимся...

Выбравшись из поруба, я кликнул дежурных стрельцов.

— Вынесите отца Кондрата, погрузите в служебную телегу и отвезите к нему домой.

Парни послушно кивнули, а через минуту из-под земли донёлся встревоженный крик:

— Да он вроде как окаменевший?!

— Имеет место быть, — туманно согласился я. — Всё равно выносите и везите. Да, как доставите батюшку в его пенаты, дайте ему щелбана по лбу!

Стрельцы упёрлись рогом. Типа на такое немыслимое святотатство они пойти не могут, хоть увольняй их из органов и первым же этапом на каторгу с песнями про Владимирский централ. И знаете, я на тот момент был совсем не против! Но меня осторожно цапнул за штанину бабкин чёрный кот. Мы обменялись понимающими взглядами, видимо, у него тоже имелся свой личный счёт к отцу Кондрату. А лапа у Васи тяжелая-а...

В общем, десять минут спустя из ворот нашего отделения выезжала скорбная процессия — рыжая кобыла влекла добротную телегу с надписью «милиция» на задке, впереди стрелецкий наряд, в телеге, пузом кверху, отец Кондрат, а на его груди здоровенный кот, чёрный, как мрак преисподней.

Для пущего эффекта Вася топорщил усы и гнусаво подвывал, шуря огромные зеленющие глаза. Конечно, это производило определенное впечатление — бабы охали, мужики крестились, дети плакали и просили сахарных петушков на палочке. Если вечером к нам не заявится всем парадом возмущённая делегация Святого Синода, это вызовет у меня нездоровое удивление...

— Теперь бабка. — Я улыбнулся своим чёрным мыслям, но другого выхода не было. — Эй, молодцы! Срочно передайте Бабке-яге, что в порубе беда, пусть летит на всех парах!

Двое молоденьких еремеевцев послушно кинулись исполнять приказ. Я же скромненько встал у поруба, неспешно загиба пальцы. Бабка выбежала на счёт раз-два-три.

— Ох, Никитушка, ежели ты тока святого отшельника-схимника чем обидел...

Я пожал плечами и молча прикрыл за ней дверь, щёлкнув засовом. Пусть охладит голову, это помогает. Хотя, конечно, при желании Яга эту дверь одним заклинанием в щепки разнесёт. Но тогда как раз и будет понятно — настоящая бабка вернулась. А это что ещё за шум?

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, а свобода
Мя встретит радостно у входа,
Где мне поставят и нальют! —

в полный голос орал дьяк Филимон Груздев, старательно предваряя будущее рождение бессмертного поэта.

— Волею своею вновь ввергаюсь безвинно в узилище миллицейское, аки святой Максимилиан в печи огненные! Аккуртней заноси, ирод, в третий раз скуфейку роняю.

Красный от обиды Митя подобрал головной убор дьяка, плюнул в него и вновь водрузил на макушку задержанного.

— А участковый ваш как есть дурачок, — мстительно и нелогично прокомментировал его поступок Филимон Митрофанович.

— Тащи его сразу в поруб, — попросил я. — Там сейчас будет весело.

— О-о, Никита Иванович, отец родной, — заметил меня старый прохиндей. — Как поживаете, как здоровьечко? А я так по вам молюсь каждый вечер перед сном — храни господь всю нашу милицию...

— В поруб, — твёрдо повторил я.

— За какие грехи наказуешь, сатрап ты бесчувственный?! Морда фараонская...

Спор грозил затянуться надолго, а у меня времени не было. Минутой позже мятежный дьяк-законоборец был вежливейшим образом, головой вперёд, закинут в поруб. А дальше мне лишь оставалось считать минуты. Одна — на мат во все стороны, вторая — на вопрос, что здесь делает Баба-яга, третья — а куда делся отец Кондрат? Ну и четвёртая-пятая — «палачи, навуходоносоры, филистимляне беспардонные, заперли безвин-

но с сумасшедшей старухой, которой Царства Божия не видать как своих ушей, ибо ментам ад и есть дом родной с шестью сотками, раком ходить на прополке, морковь зубами дёргать...».

— Спаси-сохрани мя, Царица Небесная-а-а! — торжественно пропел дьяк Филимон Груздев, вместе с дверьми вылетая из поруба.

Я ошибся ровно на минуту. Это простительно, не учёл бабиной «религиозности», видимо, первое время она слушала его со смирением. Коротким, как чих...

— Проследить полёт. Найти, выкопать, отпустить с покаянием, — демонстративно перекрестившись, попросил я, и те же молоденькие стрельцы бросились по траектории перелёта дьяка.

— Сурово вы с ним, Никита Иванович, — удовлетворённо повёл плечами Митька. — А теперича что делать будем?

— Ждать.

— Долго ли?

Недолго. Потому что высунувшаяся из поруба Яга не имела ничего общего с той набожной старушкой, за которой я закрывал дверь. Платок был повязан по пиратскому образцу, в глазах плескались оранжевые всполохи, а с тонких губ срывались отнюдь не слова молитвы...

— Пришибу кобеля блудливого! Я тя научу, как лезть к милиции со христосованиями не в пасхальный день! Слюнявыми губами да прямо в ухо, когда у нас таковое-то сложное дело о покраже царицы всех сил опергруппы объявилось! Никитушка?

— Да.

— Митенька?

— Здесь, Бабуленька-ягуленька.

— А где ж Васенька мой разлюбезный?

— Видать, хорошему коту в сентябре — март! — не задумываясь, соврали мы. — Поди, уж скоро будет, не замедлится.

— Пойдём-ка в горницу, сокол участковый, — подумав, определилась Яга. — Поговорить надобно.

Я, разумеется, не стал корчить обиженную недотрогу. Усадив меня за стол, бабка первым делом достала из заветного

шкафчика полуторалитровую бутылку настойки на рябине с мятой и чабрецом. Молча набулькала в стопку и кружку, стопку пододвинула мне. Сама выпила махом, в три глотка, заняв одной ноздрей через рукавчик, и уставилась на меня полным раскаянием взглядом...

— Чего, здорово я начудить-то успела?

— Умеренно, — признал я, чуть поморщившись.

Настойка оказалась крепкой, градусов за сорок. Но Яга выпила, даже не ойкнув, видимо, ей оно было надо...

— Тебя ругала?

Я кивнул. Бабка добавила себе ещё, вопросительно изогнув бровь в мою сторону. Я накрыл свою стопку ладонью, мне достаточно. Моя домохозяйка презрительно фыркнула, буркнула себе под нос что-то атосовское, типа «разучилась пить моладёжь», и уверенной рукой набулькала себе третью.

— Вам не много?

— А ты мне не указ. Изменщик коварный...

— Вы опять за старое?

— Да ладно тебе, участковый... Уже и понудеть нельзя, что ли? Ну и?!

Я вздохнул и отнял ладонь от своей стопки, наливайте. К чести Бабы-яги должен признать, что она моей слабостью не воспользовалась и налила не больше половины.

— Давай, сокол ясный, рассказывай! Что за дело, какая беда, почему мы опять за все в ответе и как силами одной опергруппы врага забарывать будем?

Я кротко вздохнул и ещё раз, без нервов, детально и поэтапно пересказал ей всё, чему был свидетель. Наша старейшая сотрудница выслушала меня самым внимательнейшим образом, а потом тихо спросила:

— Дык мы-то тут при чём?

— Мне повторить? Сидим мы с Горохом у него в кабинете, а наши жёны в это время у него в бане моются, ну и...

— Никитушка, ты мне прямо скажи, с какого боку тут мы? — резко осадил меня глава нашего экспертного отдела. — Ежели и впрямь Змей Горыныч трёхголовый баньку с тремя же бабами голыми похитил, дык при чём тут милиция-то?! По совести говоря, тут царю-батюшке войско сильно могучее соби-

рать надобно да на Змея войной идти! Уж победит али нет, про то не нашей голове болеть. А тока органы охраны правопорядка в энтот деле никак не замешаны. Не наше оно, а государственное!

Честно говоря, я как-то даже не сразу нашёлся, что ей возразить...

По сути, бабка была права, как ни верти. Если только предположить (не более!), что некий летающий птеродактиль (дракон, динозавр, мифический персонаж) украл, похитил, захватил отдельно взятое помещение с заложницами, то это дело армии, а не милиции. Их много, а нас чуть больше сотни. Если уж совсем точно, то больше на целых три боевых единицы. И что из этого следует? Войско-то не меньше тысячи опытных бойцов, с конницей, дворянской дружиной, пушками плюс ещё и народное ополчение... Куда ещё и нам путаться под ногами...

— Я всё понимаю, но тем не менее у меня стойкое убеждение, что Горох повесит это расследование на нас.

— С какого же бодуна-то, ась?

— С широкого царского самодурства! Так вас больше устроит? Можно подумать, ему хоть раз логические обоснования нужны были?! Да и по совести говоря...

— Вот тока о жене твоей разлюбезной не надо, а? Болит, поди, душа по Олёнке-то?!

Я замолчал. Бабу-ягу не обманешь. Если она с первого взгляда определила, ради кого я участвую в этом расследовании, то дальше всё вообще шито белыми нитками.

Да, я не верю, что кто-нибудь вернёт мне любимую, если я сам за это не возьмусь. Никакая армия, никакое войско, никакие дипломатически усилия или попытка выкупа. Яга это тоже прекрасно понимала, поэтому махнула рукой, попросив посмотреть на улику. Я протянул ей змеиную чешуйку. Она помолчала, пожевала губами, без суеты прокомментировав результат экспертизы:

— А здоровенный змеюка-то будет. В полверсты да весом за шестьсот пудов! Шкуру такенную ни мечом, ни пушкой не прошибёшь. Огнём палит, слюной ядовитую брызжет, ну и зубья с когтями забывать не стоит. Давненько я, старая, таких не встречала...

— Откуда он взялся? Зачем полез в Лукошкино? Если ему нужно было охотиться, разве по деревьям и сёлам гуляет мало народу? Он же не мог целенаправленно лететь сюда с целью похитить царицу, Олёну и Маняшу...

— Поди пойми, мог али нет, — задумчиво пробормотала бабка. — Одно скажу твёрдо: не будет он их есть, не боись.

— Уф, — облегчённо выдохнул я.

— Он их за другим делом использует, — с намёком причмокнула губками моя домохозяйка. — Змеи, они завсегда уж такие охальники — ни одну юбку не пропустят!

Я почувствовал, как сознание заволакивает багровая поло-са ревности. То есть он их будет...?!

— А ты думал как? — без малейшей жалости добила бабка. — Нешто не помнишь, каким образом Ева в раю со своим Адамом-то согрешила? Змей её уболтал, соблазнил, за то ему в веках и форма такая оставлена...

— Какая? — силло выдавил я. Фантазия и опыт проверок в секс-шопах быстро подсказали ответ.

— Такая! — уклончиво зарделась моя домохозяйка. — Со-ответственная мечтам женским. Потому Змей завсегда девиц ворует, к себе в высокий терем несёт, красным молодцем обо-рачивается да жениться уговаривает. А как своего добьётся, дык красавицу-жену со скуки-то и съест!

У меня немного отлегло от сердца. Получается, что этот гад не игнорирует букетно-конфетный период, а значит, у нас с царём есть хоть какая-то фора...

— Сколько времени Змей тратит на ухаживания?

— Да мне-то откуль знать, ко мне ни один не сватался.

— Час, день, два, неделю? Ну хоть приблизительно!

— Не ори, — обиженно отодвинулась в угол Баба-яга. — На Олёнку свою будешь глотку драть. Сказала же, не знаю!

— А кто знает? Давайте у него спросим. Ну, поколдуйте там что-нибудь, погадайте на свече или кофейной гуще. Кто у нас глава экспертного отдела? Надо же что-то делать!

— Про Змея гадать опасно, уж шибко непредсказуема тварь сия, — пошла на сотрудничество бабка-экспертиза, убирая на-стойку и хлопая в ладоши. Бдительный Назим в одно мгнове-ние перенакрыл стол к чаю. — Садись, Никитушка. Непростое

это дело, и не один час нам с тобой думу думать, голову ломать. Хлебнём чаю свежего с мятой да мёдом гречишным, небось чего и насоображаем...

Я скрипнул зубами, но сел — в пустых спорах толку нет, а идти на принцип не из-за чего. Мы церемонно, молча, почти как японцы, выпили по первой чашке ароматнейшего чая, деликатно черпая ложечками мёд. Не буду врать, что на меня мгновенно снизошло буддистское просветление или состояние безмятежного покоя и душевное равновесие...

Наверное, нет, осознание того, что любимую похитил трёхголовый сексуальный маньяк с крыльями, как у летучей мыши, но под двести метров в размахе, не прибавляло оптимизма. Хотя если задуматься о том, какой характер и норы имеют все три похищенные...

Возможно, этот Змей ещё очень пожалеет о своём выборе.

— Всё. Больше не могу, лопну.

— Дык и шести чашек не выпил, соколик? А может, созрел уже и до супчику с потрошками?! Она горшок в печи томится...

— Никита Иванович, бабуленька, извиняйте, ежели что не так, — без приглашения вломился к нам наш младший сотрудник. — А тока не велите казнить, велите слово молвить. Не со зла, не в обиду, токма из любви задушевнейшей к родной милиции, уж небось, небось...

Митя, похоже, сам забыл, с чего начал и к чему клонит, у него такое бывает. Поэтому он просто уступил дорогу старому боярину Кашкину, который как раз протискивался в двери.

— Здрав буди, сыскной воевода! И ты, хозяйюшка, — от души поклонился гость, придерживая большую бобровую шапку. — Прислан к вам передать царёв указ!

— Да что вы так официально, — приподнялся я, пожимая ему руку.

Старина Кашкин, тощий, седой и не убиваемый никакими хворями, был одним из немногих бояр, лояльно относившихся к милиции. Более того, он не раз открыто вставал на нашу сторону на заседаниях боярской думы, заветной мечтой которой было сжечь всё отделение, землю засыпать солью и плясать на пепелище голыми по большим церковным праздникам и будним дням, пугая случайных прохожих.

— От чаю не откажусь, коли сама Ягуленька попотчует, — не чинясь, объявил Кашкин, ухмыльнулся в бороду и подмигнул бабке столь откровенно, что ревнивый азербайджанский домовый едва ли не до пояса высунулся из-за печки. — Вот бумага государева. Вслух прочесть али сами грамотные?

— Могу на спор, не заглядывая, угадать, что там написано, — предложил я.

— Вот и чаёк вам подоспел, гостюшка дорогой, — подсуетилась Яга, краснея, как девчонка.

— Из твоих белых ручек и уксус медовым покажется. А ежели ещё и ложечку варенья добавишь? Вон того, красного, как уста твои сахарные...

Моя домохозяйка глупо захихикала, быстренько обложив боярина со всех сторон всеми видами варенья сразу. Даже кизилковое на стол поставила, хотя Назим из-под лавки вцепился в крынку и не отдавал нипочем. Ладно, в конце концов, это их личное дело...

— Уверен, что в указе написано примерно следующее: пусть опергруппа срочно разыщет царицу Лидию Адольфину, приведёт на почестен суд Змея Горыныча, войска не дадим, злата-серебра самим мало, а не сможет сыскной воевода своими силами справиться, так в кандалы его и на плаху!

— Молодца, угадал, — кивнул Кашкин, одновременно аплодируя мне и подмигивая бабке.

— Сроку на всё про всё неделя?

— Три дня.

— Облом. А я-то надеялся...

— Ты ещё государю спасибо скажи, что он тебя от допроса с пристрастием спас, — весомо протянул наш гость, дую на чай. — Подлец Бодров с подпевалами такой хай подняли, хоть всех святых выноси! Дескать, как могли государыню похитить, ежели милиция в тот момент при дворе была? Что ж не спасла, не защитила, не предотвратила преступление супротив царя-батюшки?

— Понятно. То есть то, что он рядом со мной стоял, в расчёт не берётся. Горох никогда ни в чём не виноват?!

— Светлая твоя голова, Никита Иванович, — тепло улыбнулся мне старый боярин и, оставив чашку, встал из-за сто-

ла. — За хлеб-соль благодарствую! Пойду-ка, пожалуй, по ветерку.

— Уже? — капризно надула губки Яга.

— Ничего, бог даст, красавица, и ты в мой терем заглянешь, дашь мне, убогому, тебя в ответ сладким пряничком угостить.

— Она пахлаву любит, э?! — ревниво раздалось из-под печки, но боюсь, что мнение маленького гордого домового уже никем в расчёт не бралось. Похоже, моя скромная домохозяйка решила на старости лет менять кавалеров, как перчатки.

— Бабуль, что это было?

— Ты об чём, Никитушка? — закрывая за гостем дверь, опустила глазки Баба-яга.

— Да вы же сейчас тут напропалую кокетничали с боярином Кашкиным!

— Ой, да будет тебе... Напридумашь ещё глупости какие, в мои-то годы...

— Угу. Назима спросим, он свидетель?

— А ну вас обоих. — Бабка фыркнула, задрала нос и с видом оскорблённой невинности удалилась к себе в комнату.

— Надеюсь, вы ненадолго? — громко спросил я. — Вообще-то нам дали всего три дня срока. А потом казнить нас, как мне кажется, будут всех. Или по одному в день, растягивая удовольствие, нет?

— Придумала я, старая, как твоему горю помочь. — Из горницы практически сразу же вышла глава нашего экспертного отдела с большущей антикварной книгой в руках. — Тут, главное дело, правильно вопросы задавать и верный ответ угадывать. Давай-ка Митеньку зови, у него сердце отходчивое, душа чистая, а ежели его каким тяжёлым заклятием в ответ пришибёт, дык его и не так жалко, верно?

Я повёл плечами и кивнул. В вопросах колдовства нашей Бабе-яге равных нет. Эпический персонаж! Куда там чахлым, мокрым Ктулху...

Митя заявился по первому же зову, поперёк щеки у него атели две свежих царапины — следы ногтей (когтей? Тоже не удивлюсь...) драчливого дьяка Груздева. Кстати, не забыть бы потом уточнить у стрельцов, куда его вышибло с нашей две-

рю. Далеко ли долетел, не имеет ли претензий? Дверь бы вернуть, это ж служебное имущество.

Охнувшая Яга первым делом продезинфицировала раны нашего младшего сотрудника какой-то вонючей жидкостью из пузырёчка с надписью «Яд» и, отмахнувшись от моего взгляда, спешно усадила нас за стол. Меня во главе, Митю слева, сама села справа, а посерединке поставила здоровенное медное блюдо.

— Ну, теперича всё от вас зависит, товарищи боевые, — значимо, с нажимом на патриотизм, начала бабка. — Я слова чародейские нараспев читать буду да на блюдо вещи разные бросать, а вы, коли чего увидите, дык запоминайте, но руками не лязте — шибанёт ещё... Сейчас всё принесу.

— А чего увидим-то, бабуленька? — заинтересованно вытянул шею Митька. — Надо ж загодя знать, к чему систему нервную готовить. А то ежели девок пляшущих, с чудесами какими соблазнительными, дак Никите Ивановичу нельзя, он человек женатый.

— Можно, — опроверг я. — Если по службе, то всё можно.

— Угу, как меня костерить за то, что дочку купца Поминкина из горящего сараю на своём горбу вынес, так, значит, и не по службе вроде?!

— Митя, — чуть повысил голос я, потому что ситуация там действительно была двусмысленная. — Во-первых, она сама этот сарай и подожгла. От несчастной любви. Да, дура, согласен! Во-вторых, то, что ты её в одной рубашке из пламени вынес, — молодец, хвалю за усердие! Но какого лешего без протокола ты ей начал при всём народе искусственное дыхание делать?!

— Ошибся чуток... думал, как утопшей надо...

— А на грудь зачем давил?

— Вы сами рассказывали, непрямой массаж сердца...

— Митя, ты ей грудную клетку чуть не сломал!

— Переборщил слегонца...

— А она глаза открыла, тебя увидала и ещё вчера заявление подала — дескать, перевлюбилась без памяти, и, ежели я ей тебя не выдам, она уже избу подожжёт!

— Дык я ж...

— У соседей!!!

Митя опустил голову и глухо пробормотал:

— Чё ж мне, за свою доброту да служебное рвение опять жениться придётся...

— Наговорились, сотрудники? — Баба-яга вернулась за стол с целой коллекцией разнообразных предметов и пузырьков. — Ну, коли про девок всё выяснили, давайте нашей царицей да её подружками займёмся. Ещё раз говорю: смотреть, запоминать, спросить чего захотите — спрашивайте, тока руками не лапать!

Мы прекратили цапаться и послушно кивнули. Опыт общения с бабкиным колдовством имелся у обоих. Митю в щенка и петуха превращали, меня — в барана, зайца и даже (стыд-позор!) в двоюродную сестру нашего Гороха, царевну Марьяну. Ныне, кстати, счастливо проживающую с законным мужем где-то на стыке польско-литовско-русской границы. А ведь помнится...

— Как в чистом колодце небо с водой сходится, так на дне болотца нечисть всякая водится, — распевно начала бабка, и мы притихли уже окончательно.

Митька из суеверного страха, а я по причине отчаянного любопытства. Вот выйду на пенсию, вспомню всё, возьмусь, обработаю, да и пушу в печать сборник лучших заклинаний старорусской прикладной магии от самой Бабы-яги. Тираж будут расхватывать, как горячие пирожки в новогодние гулянья...

— Три девицы под окном внутри бани голяком мылись, парились, разговаривались! Кто про что мечтал, кто про что молчал, отведи нас вода до начала начал! Хорс по полю прыскает, рысь по лесу рыскает. А ты дунь горячо, а ты плюнь через плечо, раскрывай, вода, свои невода-а...

Середину я успешно пропустил, обидно, но Яга никогда ничего дважды не повторяет и записывать в блокнотик не позволяет. А над водной гладью в блюде действительно закрутился пар с явным запахом берёзовых веников. Из этого пара вполне себе слепились три женские фигуры со смазанными лицами, одетые в чём мать родила. Впрочем, опознать всех не представляло сложности: царица была самая высокая и широкоплечая, а Маняша ниже всех, но шире в бёдрах. Моя Олёна — идеальная золотая середина. Красивая-а...